

Кто мы? Откуда мы пришли и куда идем? Каково наше место в мире? Эти «праздные», по разумению некоторых людей, вопросы тем не менее волнуют человечество на протяжении, пожалуй, всей его истории. Но приблизились ли мы к их разрешению? Наука и религия соревнуются в попытке найти объяснение феномену человека. И если в познании телесного устройства человека наука добилась многого, то в объяснении загадок его духовного мира ее успехи не столь очевидны. Книга Роберта Райта «Моральное животное» дает пример научной попытки объяснения природы человека, его психологии с точки зрения современной эволюционной теории. Причем эта попытка представляется весьма продуктивной, так как она лишена принципиального недостатка, связанного либо с полным отрывом психики человека от ее корней в мире животных, либо, напротив, с отождествлением человека с этим миром. Человек, конечно, животное, но животное, наделенное моралью (moral animal), которая, однако, имеет глубокие биологические и эволюционные корни. В этой связи хотелось бы отметить, что представление о биосоциальной сущности человека в 70-х гг. горячо отстаивал акад. Д.К.Беляев, полемизируя с господствующими взглядами о чисто социальной природе человеческой психологии («социальная сущность человека»). Примерно в это же время на Западе началась, как пишет Р.Райт, «тихая революция», положившая начало эволюционной психологии, рассмотрению которой и посвящена книга Р.Райта. Вниманию читателей предлагается впервые переведенная на русский язык вступительная глава книги Р.Райта «The Moral Animal».

**А.Л.Маркель, д.б.н., с.н.с.,
зав. лабораторией эволюционной генетики
ИЦиГ СО РАН, Новосибирск**

THE MORAL ANIMAL

Why we are the way we are: The new science of evolutionary psychology

Robert Wright

N.-Y.: Pantheon Books, 1994. ISBN 0-679-40773-1

©Copyright, 1994 by Robert Wright

Введение

В «Происхождении видов» почти нет рассуждений о человеке как о биологическом виде. Вполне очевидной была опасность, которую представляет эта книга для традиционного библейского взгляда на наше происхождение и для устраивающего всех мнения о том, что человек – это не просто животное. Ч.Дарвин не предпринял ничего, чтобы могло подчеркнуть эту опасность. Только в конце последней главы он просто высказал предположение, что в процессе изучения биологической эволюции «может быть пролит свет на происхождение человека и его историю» и что «в отдаленном будущем» психологическая наука «будет основываться на новом фундаменте».

Будущее действительно стало отдаленным. Только в 1960 г., 101 год спустя после выхода «Происхождения видов», историк John S. Greene заметил: «Ч.Дарвин был бы разочарован, не обнаружив хотя бы минимальных материалов, имеющих отношение к происхождению истинно человеческих качеств и в то же время расширяющих наши знания по этому вопросу, помимо его собственных спекуляций, изложенных в книге «Происхождение человека». Он был бы обескуражен, услышав от сотрудника антропологической лаборатории Оксфордского университета J.S.Weiner, что решение данного вопроса находится в тупике и ему не могут помочь наши эволюционные взгляды. В условиях существовавшего убеждения об уникальности человека как животного с культурным наследованием Ч.Дарвин мог бы иметь искушение вернуться к доэволюционной идее об абсолютном разрыве между человеком и другими животными».

Через несколько лет после этого замечания Greene началась революция. Между 1963 и 1974 гг. четыре биолога William Hamilton, George Williams, Robert Trivers и John Maynard Smith сформулировали несколько идей, которые послужили уточнению и расширению рамок теории естественного отбора. Эти идеи существенно углубили представления эволюционных биологов о социальном поведении животных, включая человека.

На первых порах использование новых положений в отношении человека было весьма неопределенным. Уверенно говорилось о самопожертвовании у муравьев, о скрытой логике брачного поведения у птиц, но высказывания по поводу человека, если они вообще делались, имели характер лишь предположений. Даже в имеющих важнейшее значение для данного переломного времени книгах «Социобиология» Е.О.Wilson (1975) и «Эгоистичный ген» R.Dawkins (1976), в которых осуществлен синтез новых идей, о человеке написано относительно мало. У R.Dawkins имеются лишь прозрачные намеки, а Е.О.Wilson ограничивается рассуждениями о природе человека в своей заключительной, небольшой и спекулятивной главе – всего 28 страниц из 575-страничной книги.

С середины 70-х гг. человеческий аспект начинает прорисовываться более четко. Небольшая, но растущая группа ученых произвела, по словам Е.О.Wilson, «новый синтез» в области социальных наук с целью их основательной ревизии. Эти ученые использовали дарвиновскую синтетическую теорию эволюции для объяснения феномена человека и испытали возможность применения этой теории для объяснения новейших фактических данных. И наряду с неизбежными в таком деле неудачами они

добились большого успеха. Хотя до сих пор они считают себя обороняющимся меньшинством (по-видимому, от такого положения они испытывают скрытое удовольствие), имеются явные признаки повышения их авторитета. Весьма почтенные журналы по антропологии, психологии и психиатрии публикуют статьи этих авторов, которые 10 лет назад посылали свои работы в еще не устоявшиеся издания с явными симпатиями к дарвинизму. Однако новое мировоззрение медленно, но явно завоевывало позиции.

Слово «мировоззрение» мы понимаем в буквальном смысле. Новый дарвиновский синтез, подобно квантовой физике или молекулярной биологии, представляет собой соединение научной теории и фактов. Однако, в отличие от вышеназванных наук, он еще дает возможность изучения нашей реальной жизни. Будучи правильно понятой (а составить правильное представление об этом новом дарвиновском синтезе значительно проще, чем о каждой из вышеназванных наук), эта теория может существенно менять восприятие социальной реальности. Выводы, связанные с новым мировоззрением, простираются от мирских повседневных забот до высших духовных интересов и касаются буквально всего самого существенного: романтики, любви, секса (в самом ли деле мужчина и/или женщина предпочитают моногамию в согласии со своей природой, и какие условия могут способствовать или не способствовать этому?); дружелюбия и враждебности (какая эволюционная логика может лежать в основе государственной политики и политики вообще?); эгоизма, самопожертвования, чувства вины (почему естественный отбор привел нас к тому, что накопление чувства вины преобразуется в совесть, и является ли это истинным путем к «моральному» поведению?); социального статуса и социальной карьеры (является ли иерархия природным состоянием человеческого общества?); различий в склонности мужчины и женщины к товариществу и честолюбию (являемся ли мы пленниками нашей половой принадлежности?); расизма, ксенофобии, войны (почему так легко могут лишиться нашего сочувствия большие группы людей?); обмана, самообмана, бессознательного (честность – это продукт разума?); различных психических патологий; (являются ли состояния депрессии, нейротизма или паранойи «естественными», и если да, то возможно ли изменение нашего отношения к ним в сторону большей терпимости?); отношений любви-ненависти между братьями-сестрами (почему это не чистая любовь?); губительной способности родителей наносить психические травмы своим детям (в чьих интересах это делается?) и т.д.

Тихая революция

Новоявленные социал-дарвинисты опровергают доктрину, которая господствовала почти на всем протяжении нашего века, согласно которой биология не имеет решающего значения, и безгранично пластичный человеческий мозг, и культурная среда как бы отрывают наше поведение от его эволюционных корней, то есть человеческие поступки не определяются наследственной природой, и, скорее всего, наша природная натура является объектом управления. Как писал в начале века отец современной социологии Emile Durkheim, «натура человека недетерминирована и формируется под влиянием социальных факторов». «История показывает – писал Durkheim, – что даже глубоко эмоциональные состояния, как ревность, любовь отца к детям и детей к отцу далеки от того, чтобы иметь наследственную природу». С этой точки зрения мозг изначально пассивен. Он подобен некоему пустому сосуду, который в процессе развития организма заполняется определенным культурологическим содержанием, и если мозг и может ставить какие-либо границы такому заполнению, то эти границы весьма широки. Антрополог Robert Lowie писал в 1917 г., что «принципы психологии не могут объяснить феноменов культуры, также как нельзя гравитацией объяснить разные архитектурные стили». Даже психологи, от которых следовало бы ожидать объяснения психической натуры человека на основании работы мозга, часто описывали психику как внутренне недетерминированную. Бихевиоризм, который большую часть нашего столетия доминировал в психологии, подчинил все идеи о том, что организму свойственно делать только то, за что он получает вознаграждение, и не делать того, что наказывается. Таким образом приобретает форму изначально неоформленное, неопределенное поведение. В утопическом романе B.F. Skinner «Walden II», вышедшем в 1948 г., такие чувства людей, как зависть, ревность и другие антисоциальные переживания элиминировались с помощью строгого режима воспитания, включающего отрицательное (наказание) и положительное (поощрение) подкрепления.

Такой взгляд на поведение человека как на нечто такое, что просто существует и не более того, охарактеризован новейшими социальными дарвинистами как «стандартная модель социальной науки». Многие из них познакомились с этой моделью, будучи студентами, а некоторые находились под ее влиянием несколько лет, пока не усомнились в ней. После того как в отношении данной модели были сформулированы некоторые вопросы, поднялся «бунт». Во всяком случае, то, что сейчас произошло, позволило Томасу Куну (Thomas Kuhn), автору хорошо известной книги «The Structure of Scientific Revolutions», назвать «изменением парадигмы». Группа в основном из молодых исследователей, бросивших вызов устоявшемуся мировоззрению своих учителей, встретившая ожесточенное сопротивление, устояла и добилась успеха. Однако, рассматривая этот конфликт поколений, можно усмотреть в его продолжении своеобразную иронию судьбы. Это произошло незаметно в ходе «революции». Некоторые «революционеры» упорно не хотели давать своему направлению простое название, которое могло бы легко уместиться на их развевающемся знамени. Однажды они уже использовали употребленный Вильсоном термин «социобиология» как вполне подходящий и полезный. Однако по одноименной книге Вильсона был открыт такой огонь, она спровоцировала так много тяжких политических обвинений, появилось так много карикатурных изображений социобиологических концепций, что слово «социобиология» стало одиозным. Большинство людей, работающих в этой области, предпочитали теперь избегать его. Хотя они были связаны общей доктриной, теперь они называли себя по-разному: экологи поведения, антропологи-дарвинисты, эволюционные психологи, эволюционные психиатры. Иногда возникают вопросы типа: «А что же случилось с «социобиологией»? Она спряталась вглубь проблемы и была «съедена» ортодоксами от науки.

Вторая насмешка судьбы связана с первой. Многие положения нового направления, которые были отвергаемы старой научной гвардией и вызывали страх, на самом деле не были новыми. Критика социобиологии, по сути, меньше всего была адресована книге Вильсона, а скорее, была рефлексией на последние книги дарвиновского образца. Эволюционная теория имеет длинную и весьма грязную историю попыток ее применения в отношении человеческого общества. После того как в начале века произошло соединение эволюционной теории с политической философией, в результате чего сформировалась туманная идеология, известная под именем «социального дарвинизма», последний стал использоваться различного рода расистами, фашистами и «бессердечными» капиталистами. В это же время расплодилось большое число упрощенных представлений о генетической основе поведения – идей, которые оказались удобными для подпитки политических спекуляций. В результате в представлениях многих ученых и неспециалистов дарвинизм был окружен некоей аурой политической и идеологической неоформленности (некоторые люди полагают, что термин «дарвинизм» равнозначен словам «социальный дарвинизм»). Отсюда вытекает много ошибок в представлениях о новой дарвиновской парадигме.

Например, новый дарвинизм часто ошибочно используется для объяснения общественных явлений. В начале века антропологи говорили о существовании «низших рас», или «дикарей», которые не способны к моральному поведению. Для не критического наблюдателя такие суждения как будто бы укладываются в дарвинскую схему, как это было сделано позже в супрематических доктринах, включая гитлеровскую. Однако сегодня антропологи-дарвинисты, изучая сообщества людей в разных уголках мира, меньше всего уделяют внимание поверхностным различиям между культурами, а говорят скорее об их глубоком единстве. Под внешней оболочкой казалось бы бессмысленных ритуалов и обычаев они видят общую картину устройства семьи, дружеских связей, социальных отношений, любви и морали. Они считают, что эта общность имеет глубокие эволюционные корни: вот почему люди, принадлежащие к разным культурам, беспокоятся о своем социальном статусе (зачастую больше, чем это им необходимо); любят болтать, причем эта болтовня (сплетни) касается одинаковых сторон их жизни; почему мужчины и женщины, принадлежащие к разным культурам, различаются между собой примерно в одинаковых аспектах; почему повсеместно люди в одинаковых обстоятельствах испытывают сходное чувство вины; почему повсеместно распространены сходные представления о справедливости типа «око за око, зуб за зуб» и «на добро ответь добром», которые формируют человеческую жизнь на нашей планете.

Во всяком случае, неудивительно, что такое переоткрытие природы человека произошло так поздно. Будучи вездесущей, эта природа оставалась незамеченной. Мы воспринимаем как само собой разумеющееся наличие таких базальных элементов жизни, как благодарность, стыд, угрызания совести, гордость, честь, месть, ненависть, любовь и т.д., также как данный изначально воздух, которым мы дышим, тенденцию брошенных предметов падать вниз и другие стандартные черты нашей жизни на земле. Однако вещи могут быть и другими. Мы могли бы жить на планете, на которой картина социальной жизни могла оказаться совсем другой. Мы могли бы жить на планете, на которой одни этнические группы чувствовали бы нечто подобное тому, что описано выше, а другие – совсем по-другому. Но этого нет. Чем ближе антропологи-дарвинисты знакомятся с человечеством, тем больше они поражаются крепостью тех уз, которые пронизывают человеческую природу и связывают всех людей воедино. И тем больше они узнают, как сплеталась эта связующая сеть.

Когда же новые дарвинисты сосредоточивали усилия на изучении различий, имеющих место между группами людей или отдельными индивидуумами, они не были склонны приписывать все эти различия генам. Наличие несомненных различий культур антропологи-дарвинисты объясняют тем, что люди, имеющие единую человеческую природу, живут в существенно разных условиях. Эволюционная теория выявила доселе невидимые связи между условиями жизни и культурами сообществ (объясняя, например, почему в некоторых сообществах принят обычай получать приданое, а в других – нет). Эволюционные психологи, вопреки общим ожиданиям, признали кардинальную доктрину психологии и психиатрии XX века о способности ранней социальной среды формировать сознание человека. В самом деле, лишь немногие занимавшиеся исследованием основных законов психологического развития рассчитывали раскрыть их только с помощью дарвиновских ключей. Если мы хотим понять, каким образом уровень притязаний или неуверенность в себе могут изменяться под влиянием раннего опыта, мы должны прежде всего узнать, почему естественный отбор сделал их столь поддающимися регулировке в раннем онтогенезе.

Это вовсе не означает, что поведение человека бесконечно лабильно. Регистрируя изменения, вызываемые средовыми влияниями, эволюционные психологи отмечают пределы, в которых эти изменения могут происходить. Утопический дух бихевиоризма Скиннера, представление о том, что человеческое существо при соответствующих условиях может стать кем-то вроде животного, не находит поддержки. Также отвергается идея о том, что наиболее жестко фиксированная часть поведения человека, основанная на «инстинктах» и «унаследованных влечениях», полностью неизменяема, также как и представления о психологических различиях между людьми, как о характеристиках, полностью зависящих от генетических различий. Психологические черты, действительно, имеют генетическую основу (а где же еще можно усмотреть наличие конечных детерминант умственного развития?), однако различия этих качеств не обязательно связаны с генетическими особенностями. Главным допущением эволюционных психологов является то, что наиболее радикальные психические различия между людьми скорее всего имеют средовую основу.

В этом смысле эволюционные психологи пытаются увидеть базовый уровень человеческой природы – глубочайшее единство людей как представителей одного вида. Во-первых, антропологи описывают повторяющиеся мотивы в разных культурах: стремление к социальному признанию (утверждению) и чувство вины. Эти и другие столь же универсальные для всех культур свойства можно назвать «механизмами управления человеческой натурой». Затем психологи отмечают, что эти механизмы у разных людей отличаются по уровню их настройки. У одного человека настройка механизма «стремления к общественному признанию» находится в зоне комфорта, около значения «уверенность в себе», а у другого человека – в зоне «мучительной неуверенности в себе». У одного человека механизм «вины» настроен на низкий уровень, у другого – находится на болезненно высоком. Психологи задаются вопросом, как настраиваются эти механизмы? Конечно, имеют значение генетические различия между индивидами, но, возможно, большую роль играет генетическая, общая для всех людей, то есть видовая, программа развития, которая опосредует информацию от социальной среды и производит юстировку формирующихся механизмов. Поэтому все-таки будущий прогресс в понимании того, как происходит эта средовая юстировка, лежит на путях изучения ее генетической детерминации.

Таким образом, человеческая натура как бы распадается на две составляющих, которые вроде бы не заметны. Первая, своего рода всечеловеческая и поэтому как бы «невидимая», составляющая дана нам всем как представителям единого вида (например, чувство вины, или совесть). Функцией второй составляющей является создание различий между людьми, по мере того как происходит их формирование в разных условиях (например, функция настройки или калибровки механизма вины). Эта составляющая «сама по себе не имеет внешнего проявления и потому также «невидима». Таким образом, человеческая натура составлена из универсальных инструментов и механизмов для их настройки или калибровки, причем обе эти составляющие одинаково «невидимы», хотя и по разным причинам.

Есть и другое основание для такой «невидимости» человеческой природы: базисные эволюционные корни, общие для всего человечества, скрыты от нас. Естественный отбор привел к тому, что наше природное истинное «я» спрятано от нашего сознающего себя «я». Как говорил З.Фрейд, мы «забываем» наши глубокие внутренние мотивации. Однако это происходит более сложным путем (в некоторых случаях речь идет даже о гротеске), чем думал З.Фрейд.

Хотя в этой книге рассматриваются разделы разных наук: антропологии, психиатрии, социологии, политических наук, в центре стоят вопросы эволюционной психологии. Это юная, скорее, зарождающаяся наука, сулящая появление совершенно новых представлений о нашем разуме, поднимает один вопрос, который не мог возникнуть ни во время выхода в свет «Происхождения видов» в 1859 г., ни через сто лет – в 1959 г. Вопрос этот – что может дать теория естественного отбора для жизни простого ординарного человека?

Например, может ли дарвиновское понимание человеческой природы помочь людям в достижении их жизненных целей? Или, может ли оно помочь в выборе жизненных целей? Может ли оно помочь различить практически достижимые и недостижимые цели или прийти к решению о том, какие задачи являются наиболее важными? Можно ли понять, как эволюция, сформировавшая наши главные моральные импульсы, помогает нам решать, какие из них являются «законными»?

По моему мнению, ответом должно быть – да, да, да и еще раз – да. Этот ответ будет раздражать, если не оскорблять, многих людей, работающих в этой области. (Поверьте мне. Я беседовал с некоторыми из них). Эти люди давно испытали тяжесть последствий от неправильного использования дарвинизма в сфере морали и политики, поэтому они предпочитают разделять области науки и морали. Они говорят: «Создание основных моральных ценностей не является итогом естественного отбора или каких-либо природных процессов». Если вы это не признаете, вы, по выражению философов, впадаете в «натуралистическую ересь» или незаконно выводите то, что должно быть, из того, что есть.

Я согласен, природа не имеет морали, и нам не надо утверждать в качестве моральных законы природы, например, такой как «сила дает право». Однако только правильное понимание человеческой природы неизбежно будет глубже влиять на наши моральные представления и, как я пытаюсь показать, придавать им силу необходимости. Эта книга соотносится с вопросами нашей повседневной жизни и потому она может иметь значение, как руководство по самопомощи. Но в ней многого нет. Последующие несколько сотен страниц отнюдь не будут перегружены добрыми советами и теплыми пожеланиями. Дарвиновское мировоззрение не делает нашу жизнь проще, напротив, оно некоторым образом усложняет ее, выставляя в истинном свете аморальность некоторых форм поведения, к которым мы имеем склонность, и сомнительность эволюционного происхождения которых была до сих пор скрыта от нас. Немногие ясные рекомендации, которые я смог собрать на основе новой дарвиновской парадигмы, выбиваются из ряда всем известных закоснелых и тяжеловесных дилемм и головоломок. Однако вы не сможете отказаться от эволюционного их освещения и, я надеюсь, не захотите этого, если прочитаете всю книгу. Хотя одной из моих задач была попытка найти практическое применение эволюционной психологии, приоритетной и главной целью стала формулировка главных принципов эволюционной психологии, отражающая, как элегантно теория естественного отбора в ее сегодняшнем понимании очерчивает контуры человеческой психики. Эта книга прежде всего преследует научные цели и лишь во вторую очередь она создает новую базу для политики и философии морали.

Я с неохотой разъединяю эти два аспекта, чтобы показать разницу между дарвиновским представлением о человеческой психике и моими собственными представлениями о практических следствиях приложения дарвинизма к психологии.

Многие люди, разделяющие первую, научную, часть проблемы, несомненно, будут отрицать многое из второй, философской, части моих заявлений. Но я думаю, что лишь небольшое число людей, принимающих первую часть, станут отрицать наличие у нее связи со второй частью. С другой стороны, трудно согласиться с тем, что новая парадигма является только мощным способом для познания человека как биологического вида, но не как человека. Человек как вид – это и есть человек.

Дарвин, Смайлс и Милл

«Происхождение видов» было не единственной столь важной книгой, вышедшей в Англии в 1859 г. Вышла также книга в христианском жанре «Помоги себе сам», написанная Samuel Smiles, а затем и книга John Stuart Mill «О свободе». Эти две книги чудесным образом дополнили основную тему дарвиновской книги.

В книге «Помоги себе сам» нет настойчивых рекомендаций находиться в гармонии со своими чувствами, не впутываться в неприятные ситуации, находить согласие с космическими силами или каких-либо других советов, которые в подобных книгах даются для самоуспокоения и легкого достижения комфорта. Эта книга проповедует основные викторианские ценности: добропорядочность, честность, трудолюбие, стойкость, и всепроникающий железный самоконтроль. Смайлс считает, что человек обязательно добьется своего путем тренировки «собственной свободной воли и самоограничения». Однако человек всегда должен быть начеку против «соблазна получить легкую индulgенцию», не должен «ограничивать свои чувства и свой разум старыми догмами».

С другой стороны, в книге «О свободе» содержится жесткое отрицание удушающих викторианских требований самоограничения и морального конформизма. Милл обвиняет христианство за его «отторжение чувственности» и за то, что количество запретов («этого нельзя») гораздо больше, чем положительных ответов («это можно»). Особенно мертвящим он находит кальвинизм с его утверждением, что «человеческая натура испорчена в корне, ни для кого не будет искупления до тех пор, пока ему не удастся побороть свою человеческую натуру». Милл развивает более оптимистичный взгляд на природу человека и полагает, что христианство должно делать то же самое: «Если религия признает, что человек сотворен добрым Божеством, то следовало бы признать, что это Божество дало человеку такие качества, которые можно культивировать и развивать, а не вырывать с корнем и прятать, и что это Божество должно испытывать удовлетворение при каждом шаге его творения навстречу тому идеалу, который в нем заключен, каждому усилению его способности мыслить, действовать и чувствовать».

По сути дела, Милл поставил вопрос ребром: разве человек порочен от рождения? Тот, кто считает, что да, порочен, считается консерватором в области морали, должен поступать согласно Сэмюэлю Смайлсу – подчеркивать необходимость самоограничения, воздержания, почитать за лучшее не проявлять своих чувств. Тот же, кто считает, что человек от рождения непорочен, считается в отношении морали либералом и, согласно Миллю, не должен очень беспокоиться относительно выбора своего поведения. Эволюционная психология, несмотря на ее молодость, осветила многие обсуждаемые вопросы. Ее выводы одновременно успокаивают и расстраивают нас.

Альтруизм, сострадание, сочувствие, любовь, совесть, чувство справедливости – это все то, что объединяет сообщество людей, что позволяет человечеству столь высоко оценивать себя, все это, можно уверенно сказать, имеет свою генетическую базу. Это

хорошая новость. Плохая новость заключается в том, что, хотя все это дано как бы в дар всему человечеству, человеческий род не возник в процессе эволюции как самый лучший вид и на самом деле не имел такого предназначения. Скорее, наоборот, сейчас ясно, что как только каким-то образом и в какое-то время начали использоваться моральные принципы, они либо использовались, либо не использовались по причине жесткой необходимости и в интересах отдельных людей. И сейчас, естественно, мы часто забываем об этих исходных моментах. Согласно новым представлениям, человечество – это вид, который великолепен в своем наряде моральных принципов и трагичен в своей склонности нарушать их, так же как и патетичен в присутствии ему неведения этих нарушений. Книга названа явно не без иронии.

Таким образом, учитывая преобладание в общественном мнении о социобиологии рассуждений о «биологической базе альтруизма» и принимая всю важность этого предмета, мы не должны огульно отбрасывать идею, осмеянную Джоном Стюартом Миллем, о порочности человеческой природы и «первородном грехе» и, следовательно, концепцию морального консерватизма. В самом деле, я полагаю, что некоторые консервативные нормы, преобладавшие в Викторианской Англии, отражали, пусть и непрямым путем, более верную картину человеческой природы, чем это делали общественные науки того времени, и что некоторое возрождение морального консерватизма в последнее десятилетие, особенно в области сексуальных отношений, – это остатки неявного переоткрытия некоторых истин о человеческой природе, которые долгое время не признавались.

Если, в самом деле, из современного дарвинизма вытекают некоторые консервативные нормы морали, то распространяется ли это на консерватизм в политике? Это сложный и важный вопрос. Было бы легче и правильнее прекратить обсуждать догмы социального дарвинизма, как некорректные. Однако вопрос о врожденной человеческой добродетели имеет политическую проекцию, которая не может быть проигнорирована, так как взгляд на взаимосвязь между политической идеологией и представлениями о человеческой природе имеет длинную и примечательную историю. На протяжении последних двух столетий по мере того как менялись представления о политическом «либерализме» и «консерватизме», независимо от их толкования, между ними сохранялись прежние различия: политические либералы (такие как в свое время Милл) склонны представлять человеческую природу в более розовых тонах и дают большую свободу моральным отношениям, чем консерваторы.

Однако неясно, есть ли необходимость в установлении связи между моралью и политикой, особенно в современном контексте. По мере того как новая дарвиновская парадигма вполне обоснованно дистанцируется от политических проекций, довольно часто их можно наблюдать как в правых, так и в левых политических течениях, особенно в радикально левых. (Хотя Карл Маркс в основном не был согласен с новой парадигмой, многое в ней ему очень нравилось). Более того, новая парадигма дает некоторые основания для современных политических либералов находить в некоторых консервативных моральных доктринах приемлемые для их идеологии моменты. В то же время можно полагать, что консервативное содержание иногда наполняет либеральную социальную политику.

Дарвин как иллюстрация дарвинизма

Для иллюстрации дарвиновской концепции я буду использовать в качестве примера самого Дарвина. Его мысли, эмоции и поведение служат хорошей демонстрацией принципов эволюционной психологии. В 1876 г. в первом параграфе своей автобиографии Дарвин писал: «Я попытался описать свою жизнь так, как будто бы я уже умер и смотрю на себя как бы из другого мира. Это не было трудно, так как жизнь находилась как бы рядом, вне меня», – добавил он с мрачной отстраненностью. Мне думается, что если бы Дарвин посмотрел бы в прошлое из сегодняшнего дня, вооружившись концепцией нового дарвинизма, он бы увидел свою жизнь примерно так, как опишу ее я.

Жизнь Дарвина – это более чем иллюстрация. Это миниатюрный тест для испытания достоверности современной рафинированной версии его теории естественного отбора. Адвокаты эволюционной теории, включая Дарвина и меня, все время говорят, что мощь этой теории такова, что она может объяснить природу всех живых организмов. Если мы правы, то жизнь любого случайно выбранного человека получит новое освещение, если взглянуть на нее с точки зрения эволюционной теории. Конечно, Дарвин – это не случайно выбранная личность, но он будет подобен опытной морской свинке. Я заявляю, что его жизнь и его социальное окружение, Викторианская Англия, приобретут больше смысла, если смотреть на них с точки зрения дарвинизма. В этом смысле он и его среда подобны всем другим органическим явлениям, хотя Дарвин и не похож на другие органические явления.

Когда мы думаем об естественном отборе, то прежде всего представляется жестокая борьба за сохранение и передачу генов и выживание наиболее сильных. Однако, когда мы думаем о Дарвине, мы не наблюдаем такой борьбы. Со всех точек зрения Дарвин был очень вежливым и гуманным человеком (за исключением, вероятно, тех моментов, когда обстоятельства делали совместное проявление этих качеств невозможным: он мог сильно возбудиться, осуждая рабство, и мог утрачивать свою мягкость, когда видел жестокое обращение всадника с лошадей). Мягкость его поведения и присущее ему отсутствие тщеславия, хорошо обозначившиеся уже в ранней юности, не были испорчены приобретенной им в последующем славой. Литературный критик Лесли Стефен писал: «Из всех известных мне великих людей для меня он был самым привлекательным... В его простоте и дружелюбии было нечто патетическое». К Дарвину применимы слова из названия последней главы книги «Помоги себе сам» – настоящий джентльмен.

Дарвин читал эту книгу, но ему не нужна была ее помощь. В это время, в возрасте 51-го года, Дарвин был ходячим воплощением афоризма Смайла о том, что жизнь – это борьба с «аморальностью, эгоизмом и злом». В самом деле, общепризнанно, что Дарвин был слишком скромным, так что если он и нуждался в книге о самопомощи, то скорее всего в такой ее версии, которая соответствовала бы концу 20 века, советам вроде того, как повысить свою самооценку или как выглядеть наилучшим образом. Позднее Джон Боулби, один из биографов Дарвина писал, что Дарвин страдал от своего рода самоуничтожения и подчеркнутой честности. Боулби писал: «В то время как столь много привлекательного было в отсутствии претенциозности и в высокой моральности, которые составляли существо натуры Дарвина, и которые наряду с другими качествами внушали любовь к нему со стороны родственников, друзей и коллег, к несчастью, эти качества развились в нем слишком сильно и рано для той эпохи, в которой он жил».

Чрезмерные «мягкость» и моральность Дарвина, полное отсутствие грубости – вот что делает его наиболее подходящим примером для нашего случая. Я попытаюсь показать, что естественный отбор именно и создал эти качества. Бесспорно, Дарвин был добрым, гуманным и терпимым человеком. Однако также правда и то, что между ним и остальными людьми на земле не было существенных отличий. Даже Чарльз Дарвин принадлежал к миру животных.

Пер. с англ. *А.Л.Маркель*,
д.б.н., с.н.с., зав. лаб. эволюционной генетики